

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2026.22.45.014

Китайское видение международного сотрудничества в рамках современных экономических союзов

Дин Нин

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: st135905@student.spbu.ru

Аннотация

Региональная экономическая интеграция превратилась в одну из ключевых движущих сил трансформации глобальной архитектуры международного взаимодействия. Экономические союзы от Европейского союза и АСЕАН до АТЭС — формируют устойчивую базу для либерализации торговли, устранения инвестиционных барьеров и сближения национальных экономических политик. Китай, занимающий второе место в мире по объёму ВВП, выстроил многоуровневую стратегию участия в подобных структурах: от активного членства в БРИКС и АТЭС до продвижения собственной инициативы «Пояс и путь», охватившей более 150 государств и международных организаций. Данная статья исследует концептуальные основы и практические механизмы международного сотрудничества Китая в рамках современных экономических союзов. Рассматриваются четыре взаимосвязанных направления китайского видения: либерализация многосторонней торговли, развитие инфраструктурных коридоров, активизация научно-технического и инновационного сотрудничества, а также построение Сообщества единой судьбы человечества. Параллельно анализируются инструменты реализации этого видения — углубление внутренних реформ, модернизация механизмов многостороннего сотрудничества и наращивание потенциала китайских участников международного экономического взаимодействия.

Для цитирования в научных исследованиях

Дин Нин. Китайское видение международного сотрудничества в рамках современных экономических союзов // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 3А. С. 84-91. DOI: 10.34670/AR.2026.22.45.014

Ключевые слова

Экономические союзы, международное сотрудничество, Китай, инициатива «Пояс и путь», либерализация торговли, региональная интеграция, АТЭС, АСЕАН, БРИКС, глобальное экономическое управление, инфраструктурная связанность, инновационное сотрудничество, Сообщество единой судьбы.

Введение

Современные экономические союзы представляют собой наиболее развитую организационную форму региональной экономической интеграции, принципиально отличающуюся от элементарного снижения тарифных барьеров: государства-участники координируют торговую, инвестиционную и финансовую политику на основе многосторонних соглашений, добиваясь оптимального размещения ресурсов и рыночной интеграции. Устранение внутренних торговых ограничений, создание общего рынка, согласование макроэкономических политик, стимулирование промышленной специализации типичный набор инструментов подобных объединений [Пинюгина, 2015]. Принципиально важно разграничивать уровни интеграции. Зона свободной торговли отменяет тарифы между участниками, сохраняя самостоятельную политику в отношении третьих стран; таможенный союз вводит единый внешний тариф; общий рынок обеспечивает свободу передвижения услуг, капитала и рабочей силы. Это превращает экономические союзы из сугубо торговых механизмов в полноценные инструменты регионального экономического управления.

Современные экономические союзы демонстрируют устойчивую тенденцию к расширению как географическому, так и функциональному. АСЕАН выстраивает разветвлённую систему партнёрств через механизмы «10+1» и «10+3», последовательно расширяя орбиту сотрудничества (Макарова, 2005; Журавлева, 2012). Инициатива «Пояс и путь», привлёкшая с момента своего выдвижения в 2013 году свыше 150 стран и международных организаций, сделала открытость и инклюзивность операциональными принципами (Щерба, 2019). Параллельно углубляется интеграция региональных союзов с механизмами глобального экономического управления: ЕС активно участвует в реформировании ВТО и международного финансового регулирования, последовательно отстаивая интересы своих членов (Мурашкина, Шевелева, 2017), тогда как инициатива «Пояс и путь» формирует концептуальную платформу, ориентированную на более справедливую архитектуру глобального экономического порядка [Цемахович, 2018].

Основное содержание

С момента вступления в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество в 1991 году Китай превратился в одного из ключевых акторов этого форума [Вороновская, Ашмарина, Ли Сюэ Фэн, 2023]. На площадке АТЭС китайская сторона неоднократно инициировала обсуждение создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) и продвигала углубление инвестиционного и торгового взаимодействия (Томилов, 2020). Активность Китая в АТЭС в значительной мере определила повестку дня форума в 2000-е и 2010-е годы [Семёнов, 2013; Фролов, 2008]. В рамках БРИКС Китай внёс существенный вклад в создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов — ключевых финансовых инструментов объединения [Жариков, 2016]. Помимо финансовых механизмов, были сформированы центры сотрудничества БРИКС и инновационные платформы, обеспечивающие взаимодействие предприятий, университетов и государственных ведомств стран-участниц [Белова, 2015]. Всестороннее стратегическое партнёрство Китая с АСЕАН материализовалось в создании зоны свободной торговли САФТА, в рамках которой нулевые тарифы распространяются более чем на 90% товарной номенклатуры [Балакин, 2016]. Это не только облегчило двустороннюю

торговлю, но и придало импульс формированию интегрированных производственных и логистических цепочек в Восточной Азии [Воробьёва, 2009].

Ниже представлена сводная таблица основных механизмов участия Китая в современных экономических союзах.

Таблица 1 – Участие Китая в международных экономических союзах и механизмах

Механизм / Организация	Год вступления / запуска	Основные направления участия	Ключевые результаты
АТЭС	1991	Либерализация торговли, АТЗСТ, инвестиционное сотрудничество	Инициативы по региональной интеграции АТР
АСЕАН / САФТА	2002	Зона свободной торговли, промышленная кооперация	Нулевые тарифы на более чем 90% товарной номенклатуры
БРИКС	2009	Финансовое сотрудничество, инновации, Юг–Юг	Новый банк развития, Пул условных валютных резервов
«Пояс и путь»	2013	Инфраструктура, торговля, гуманитарные обмены	Свыше 150 стран-участниц, ж/д КНР–Лаос, магистраль Яван
ВТО	2001	Реформа МТС, цифровая торговля, антипротекционизм	Активная переговорная позиция по реформе организации
G20	1999	Координация макроэкономической политики, финансовое регулирование	Председательство в 2016 г., инициативы по глобальному управлению
RCEP	2022	Многосторонняя торговля, снижение издержек внутрирегионального обмена	Крупнейшая в мире зона свободной торговли (15 государств)

Выдвинутая в 2013 году инициатива «Пояс и путь» представляет собой глобальный проект экономического сотрудничества, нацеленный на формирование открытого, сбалансированного и взаимовыгодного партнёрства через укрепление инфраструктурной связанности, торгово-инвестиционного взаимодействия и гуманитарных обменов [Бурганова, 2022]. Железная дорога Китай–Лаос и высокоскоростная магистраль Яван наглядные примеры перехода от концептуального замысла к конкретным инфраструктурным результатам [Шаряпова, 2019]. Вместе с тем инициатива не лишена критических оценок. США последовательно противопоставляют ей альтернативные форматы — прежде всего экономический коридор «Индия - Ближний Восток - Европа» — усматривая в «Поясе и пути» инструмент расширения геополитического влияния Пекина [Печищева, 2024]. Индия возражает против Китайско-пакистанского экономического коридора (СРЕС): тот проходит через спорный регион Кашмир и, по оценке Нью-Дели, усиливает китайские позиции в Южной Азии и акватории Индийского океана. Бутан не присоединился к инициативе ввиду отсутствия официальных дипломатических отношений с Китаем и значительного влияния Индии на бутанскую внешнюю политику [Щерба, 2019]. Цзинь Баочэнь (2023) обращает внимание на логистическое измерение проблемы: международные цепочки поставок, формируемые в рамках «Пояса и пути», сталкиваются с разнородными регуляторными режимами, что требует выработки унифицированных правил транзита. Тем не менее именно этот механизм создаёт новые точки экономического роста для участвующих государств, включая Россию [Ли Ино, 2024].

Китай активно задействует площадки ВТО и G20 для продвижения реформ многосторонней торговой системы [У Южо, 2020]. В рамках ВТО акцент делается на противодействии

протекционизму и выработке правил для цифровой экономики — двух наиболее острых вопросов повестки организации в 2010-е — 2020-е годы [Кожевников, 2004; Евдокимова, Ван Кай, 2014]. На саммитах G20 китайская сторона продвигает инициативы по координации макроэкономической политики и реформированию глобального финансового регулирования [Жариков, 2016; Шиян, 2020]. Активность Китая в G20 заметно возросла в период председательства страны в группе в 2016 году [Белов, 2018; Синь Ли, 2012].

Вклад Китая в либерализацию региональной торговли носит измеримый характер. Создание зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН обеспечило нулевые тарифы более чем на 90% товарной номенклатуры с обеих сторон, что ускорило интеграцию производственных и логистических цепочек в Восточной Азии [Балакин, 2016]. Инфраструктурные проекты в рамках «Пояса и пути» Китайско-Лаосская железная дорога и Яванская высокоскоростная магистраль улучшили местные транспортные условия, активизировали внутрирегиональную торговлю и ускорили промышленную модернизацию прилегающих территорий [Рагунштейн, Рагунштейн, 2016]. Широкое сотрудничество с африканскими странами через строительство инфраструктуры, техническую помощь в сельском хозяйстве, взаимодействие в сфере медицины и здравоохранения содействует устойчивому развитию африканского региона [Виноградов, 2023]. Научно-техническое взаимодействие с ЕС в области новой энергетики, цифровой экономики и искусственного интеллекта обеспечивает новый импульс глобальному экономическому росту [Кудряшова, 2019].

Противодействие торговому протекционизму составляет один из ключевых принципов китайской позиции в международных экономических форумах. Угроза протекционизма в глобальной торговле многолика. Тарифное давление, нетарифные ограничения, манипулирование защитными механизмами — всё это подрывает фундамент международного торгового порядка, выстраивавшегося десятилетиями. Именно поэтому Китай делает ставку на реформирование ВТО и планомерное расширение сети торговых соглашений — как двусторонних, так и многосторонних [Мурашкина, Шевелева, 2017; Романова, 2013]. Подписанное пятнадцатью государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство (RCEP) воплощает эту логику на практике: издержки внутрирегиональной торговли снижаются, либерализация распространяется на огромное экономическое пространство [Томилов, 2020; Гордиенко, 2019]. Переговорный процесс по Всестороннему инвестиционному соглашению между Китаем и ЕС движется сложнее — интересы сторон с трудом поддаются балансировке, — однако сама по себе эта переговорная рамка уже формирует ориентиры справедливого и недискриминационного инвестиционного климата [Исаченко, Медведкова, Крючков, 2022]. Курс на торговое сближение с государствами с формирующейся экономикой преследует двойную цель: наращивание товарооборота и одновременно укрепление позиций развивающихся стран в системе глобального экономического управления.

Без физической инфраструктуры любые торговые договорённости рискуют остаться на бумаге. Дороги, порты, аэропорты, железнодорожные магистрали — материальный каркас, без которого региональная интеграция невозможна. Китай это понимает и последовательно инвестирует в транспортную связанность по всему периметру своих партнёрских отношений. Грузовые маршруты «Китай — Европа», проложенные в рамках «Пояса и пути», превращаются в полноценную альтернативу морским путям: быстрее, предсказуемее, всепогоднее [Степанов, 2021; Шаряпова, 2019]. Энергетика — следующий уровень той же задачи. Трансграничные линии электропередач и энергопроводы перераспределяют ресурсы туда, где они нужнее;

совместные проекты в области возобновляемой и новой энергетики одновременно решают задачу климатической трансформации. Цифровая инфраструктура замыкает эту триаду: подводные кабели, дата-центры, сети пятого поколения (5G) — не просто технические объекты, а несущие конструкции будущей цифровой экономики регионального масштаба [Чжан Дунъян, 2017].

Инновационное сотрудничество выстраивается иначе не через объекты, а через институты и людей. Совместные исследовательские центры, технопарки, альянсы в сфере разработок и именно каждый из этих форматов создаёт точку постоянного контакта между научными и деловыми сообществами стран — участниц экономических союзов. Например: Китай целенаправленно наращивает именно такие связи с партнёрами, рассматривая их как долгосрочные инвестиции в общий инновационный потенциал региона. Углублённое сотрудничество с ЕС в области новой энергетики, цифровой экономики и искусственного интеллекта подтверждает, что инновации занимают центральное место в двустороннем взаимодействии [Кудряшова, 2019]. Преобразование научно-технических достижений в коммерческие продукты требует надёжной институциональной поддержки: усиления защиты интеллектуальной собственности, создания платформ трансфера технологий, специализированных фондов коммерциализации. Развитие цифровой экономики выделяется в самостоятельное стратегическое направление: участие в переговорах по соглашениям о цифровой торговле и в международных инициативах по цифровому сотрудничеству позволяет Китаю влиять на формирующиеся нормы регулирования глобального цифрового пространства [Чжан Дунъян, 2017].

Гуманитарные обмены образуют социальную ткань международного сотрудничества. Недели культурных обменов «Пояса и пути», международные форумы по сотрудничеству в сфере образования, туристические программы направлены на укрепление взаимопонимания между народами, формируя долгосрочную основу для экономического партнёрства [Косоруков, 2016; Бурганова, 2022]. Сотрудничество в области здравоохранения — обмен опытом профилактики, поставки медицинского оборудования, совместные разработки вакцин вписывается в проект «Сообщества здоровья человечества», продвигаемого в том числе через реформирование механизмов глобального управления здравоохранением [Кокотсис, 2014]. Экологическое измерение реализуется через участие в климатических механизмах, продвижение стандартов «зелёных» инвестиций и торговли: концепция «Зелёного шёлкового пути» предполагает совместное решение проблем биоразнообразия, изменения климата и загрязнения окружающей среды [Чу Лин, Ма Лигуо, 2022].

Реализация международного видения Китая предполагает опережающие преобразования внутри страны. Совершенствование социалистической рыночной экономической системы, реформа рыночного распределения факторов производства, улучшение условий ведения бизнеса создают институциональные предпосылки для конкурентоспособного участия китайских предприятий в международном сотрудничестве [Дегтярев, 2021]. Снижение тарифных и нетарифных барьеров, развитие пилотных зон свободной торговли и строительство свободного торгового порта на острове Хайнань формируют экспериментальную площадку для отработки новых моделей открытой экономики. Скоординированное развитие внутренних регионов — Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй, дельта реки Янцзы, зона Большого залива Гуандун–Гонконг–Макао — создаёт синергетический эффект, усиливающий позиции страны в глобальном экономическом сотрудничестве. Реформирование ВТО и G20 остаётся приоритетным направлением китайской активности в сфере глобального экономического управления [Синь Ли, 2012; Шиян, 2020].

Интернационализация китайских предприятий через технологические инновации, повышение качества продукции и выход на новые рынки требует адекватной государственной поддержки: политических преференций, финансовых механизмов, информационного обеспечения. Площадки для многосторонних контактов — Китайская международная импортная выставка [Чжэн Вэй, 2021], Форум сотрудничества Китай–Африка [Забелла, 2020], Боаоский азиатский форум [Су Фанцю, 2015] — обеспечивают конкретные каналы для обмена информацией, продвижения инвестиций и углубления гуманитарных связей между государствами — участниками современных экономических союзов.

Заключение

Китай выстроил многоуровневую стратегию участия в современных экономических союзах, охватывающую как классические региональные форматы АТЭС, АСЕАН, БРИКС, так и механизмы нового поколения, прежде всего «Пояс и путь». Китайское видение международного сотрудничества не сводится к получению односторонних экономических выгод: четыре взаимосвязанных вектора либерализация торговли, развитие инфраструктурных коридоров, инновационное взаимодействие и формирование Сообщества единой судьбы человечества образуют системный подход, ориентированный на долгосрочные результаты.

Практические итоги этого курса измеримы. Зона свободной торговли Китай–АСЕАН обеспечила нулевые тарифы на более чем 90% товарной номенклатуры; РСЕР объединил 15 государств Азиатско-Тихоокеанского региона, став крупнейшей в мире зоной свободной торговли; инициатива «Пояс и путь» привлекла участие свыше 150 стран. Геополитическое противостояние с США, разногласия с Индией по СРЭС и неравномерность распределения выгод от инфраструктурных проектов остаются нерешёнными противоречиями, требующими гибких и взаимоприемлемых подходов.

Реализация заявленного видения опирается на внутренние реформы рыночной системы, модернизацию механизмов многостороннего сотрудничества в рамках ВТО, G20 и БРИКС, а также наращивание потенциала китайских участников международного экономического взаимодействия. Формирование стандартов цифровой торговли, продвижение концепции «Зелёного шёлкового пути» и расширение формата БРИКС задают контуры следующего этапа этой стратегии. Степень её реализации будет определяться готовностью международного сообщества к равноправному диалогу и способностью самого Китая адаптироваться к меняющейся геополитической реальности.

Библиография

1. Балакин В. И. Китай и АСЕАН в современной восточноазиатской интеграции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 33. С. 28–39.
2. Белова В. А. Институциональное развитие БРИКС // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 9. С. 14–21.
3. Бурганова И. Н. Политические аспекты сопряжения проектов экономического пояса шёлкового пути и евразийского экономического союза для Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 2. С. 226–231.
4. Виноградов И. С. Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 28. С. 112–129.
5. Гордиенко Д. В. Защищённость экономики Южной Кореи при реализации глобальных интеграционных проектов // Вестник МФЮА. 2019. № 4. С. 55–67.
6. Жариков М. В. Страны БРИКС в системе институтов глобального финансового управления // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 10. С. 143–147.

7. Забелла А. А. Влияние Форума китайско-африканского сотрудничества на развитие отношений между Китаем и странами Африки // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2020. № 1. С. 34–47.
8. Исаченко Т. М., Медведкова И. А., Крючков Р. В. Всеобъемлющее инвестиционное соглашение между ЕС и КНР: проблемы заключения и поиск баланса интересов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2022. № 1. С. 88–110.
9. Кудряшова С. В. Политика стратегического партнёрства ЕС и КНР в XXI в. // Вестник Московской международной академии. 2019. № 2. С. 44–58.
10. Пинюгина Е. В. ЕАЭС и «Экономический пояс Шёлкового пути»: сравнительный анализ евразийских интеграционных проектов // Политическая наука. 2015. № 4. С. 99–115.
11. Романова Т. А. Фактор ВТО в современных отношениях России и Европейского союза // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8. № 4. С. 180–195.
12. Степанов Н. С. Транспортные коридоры в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» // Вестник НГИЭИ. 2021. № 8 (123). С. 77–89.
13. Томилов М. В. Интеграционный потенциал мега-региональных торговых соглашений Азиатско-Тихоокеанского региона // Мир экономики и управления. 2020. № 2. С. 18–31.
14. Чжан Дунъян. Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в области цифровой экономики // Власть. 2017. № 9. С. 203–211.
15. Щерба К. Д. «Один пояс — один путь»: перспективы сопряжения с ЕАЭС // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 312–316.

China's Vision of International Cooperation within Contemporary Economic Unions

Ding Ning

Postgraduate Student, Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: st135905@student.spbu.ru

Abstract

Regional economic integration has become one of the key driving forces behind the transformation of the global architecture of international interaction. Economic unions — from the European Union and ASEAN to APEC — form a stable basis for trade liberalization, the removal of investment barriers, and the convergence of national economic policies. China, ranking second in the world in terms of GDP, has built a multi-level strategy for participation in such structures: from active membership in BRICS and APEC to the promotion of its own Belt and Road Initiative, which has covered more than 150 states and international organizations. This article examines the conceptual foundations and practical mechanisms of China's international cooperation within contemporary economic unions. Four interrelated directions of the Chinese vision are considered: multilateral trade liberalization, the development of infrastructure corridors, the activation of scientific-technical and innovative cooperation, as well as the construction of a Community of Shared Future for Mankind. In parallel, the instruments for implementing this vision are analyzed — the deepening of internal reforms, the modernization of multilateral cooperation mechanisms, and the capacity building of Chinese participants in international economic interaction.

For citation

Ding Ning (2026) Kitayskoye videniye mezhdunarodnogo sotrudnichestva v ramkakh sovremennykh ekonomicheskikh soyuzov [China's Vision of International Cooperation within Contemporary Economic Unions]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (3A), pp. 84-91. DOI: 10.34670/AR.2026.22.45.014

Ding Ning

Keywords

Economic unions, international cooperation, China, Belt and Road Initiative, trade liberalization, regional integration, APEC, ASEAN, BRICS, global economic governance, infrastructure connectivity, innovative cooperation, Community of Shared Future.

References

1. Balkain, V. I. (2016). China and ASEAN in contemporary East Asian integration. *Southeast Asia: Current Development Problems*, (33), 28–39.
2. Belova, V. A. (2015). Institutional development of BRICS. *Socio-Economic Phenomena and Processes*, (9), 14–21.
3. Burganova, I. N. (2022). Political aspects of aligning the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union projects for the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Sociology. Political Science*, 22(2), 226–231.
4. Gordiyenko, D. V. (2019). Economic security of South Korea in the implementation of global integration projects. *Bulletin of MFUA*, (4), 55–67.
5. Isachenko, T. M., Medvedkova, I. A., & Kryuchkov, R. V. (2022). The EU–China Comprehensive Agreement on Investment: challenges of conclusion and the search for a balance of interests. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, (1), 88–110.
6. Kudryashova, S. V. (2019). The EU–China strategic partnership policy in the 21st century. *Bulletin of the Moscow International Academy*, (2), 44–58.
7. Pinyugina, E. V. (2015). The EAEU and the Silk Road Economic Belt: a comparative analysis of Eurasian integration projects. *Political Science*, (4), 99–115.
8. Romanova, T. A. (2013). The WTO factor in contemporary Russia–European Union relations. *International Organisations Research Journal*, 8(4), 180–195.
9. Sharyapova, Yu. M. (2019). Trade and transport corridors of the Belt and Road project. *Eastern Analytics*, (4), 111–128.
10. Shcherba, K. D. (2019). Belt and Road Initiative: prospects for alignment with the EAEU. *Social and Humanitarian Knowledge*, (6), 312–316.
11. Stepanov, N. S. (2021). Transport corridors within the Chinese Belt and Road Initiative. *Bulletin of NGIEI*, (8), 77–89.
12. Tomilov, M. V. (2020). Integration potential of mega-regional trade agreements in the Asia-Pacific region. *World of Economics and Management*, (2), 18–31.
13. Vinogradov, I. S. (2023). China's cooperation with North African countries: state and prospects. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, (28), 112–129.
14. Zaballa, A. A. (2020). The influence of the Forum on China–Africa Cooperation on relations between China and African countries. *RUDN Journal of World History*, (1), 34–47.
15. Zhang, Dongyang. (2017). The current state of the digital economy in China and prospects for China–Russia cooperation in the digital economy. *Vlast (Power)*, (9), 203–211.